

К нам дети приходят для того, чтобы заняться каким-то видом работы, деятельности по своему интересу, и мы обязаны эту работу с ними выполнить, этот интерес их удовлетворить. Это наша прямая обязанность. Но в то же время мы задумываемся над тем, что хочет получить от нас школьник? Что сделать, чтобы, используя его интерес к тому или другому виду деятельности, создать вокруг этого еще какую-то работу, которая, в сущности, явилась бы для ребенка главным. Потому что, когда он к нам приходит, он не просит его воспитывать, он просит заниматься с ним делом. У нас его интересуют спектакли. И вот тут-то и стоит вопрос, как сделать так, чтобы, занимаясь этим, он не заметил, что с ним ведется большая воспитательная работа, чтобы он формировался в коллективе как человек больших разносторонних интересов.

Есть такая теория, что коллектив возникает в общем деле. Нужно делать какое-то общее дело, тогда возникнет коллектив. Приводят такой пример: какой-то старичок берется клеить коробочки на дом. У него есть внук, мальчик 5-6 лет. Они сидят вместе и делают эти коробочки. И у них, якобы, возникает коллектив...

Припоминаю такой случай. Был я на педсовете в одной школе, где классная воспитательница отчитывалась о своей работе. Ей задали такой вопрос: “Скажите, как вы создаете коллектив в своем классе?” Она ответила: “Мы коллективно моем пол.”

Не учитывается самое главное – что не только работа является основанием для создания коллектива, а идея, во имя которой проводится эта работа. Если 5-6-летний ребенок с дедушкой будет клеить коробочки и не знать, во имя чего это делается, то после пятой коробочки он соскучится и перестанет их делать. Ему нужно обязательно знать во имя чего это происходит. И эта идея станет основанием для сплочения любого коллектива.

Педагог должен поставить перед ребятами какую-то очень серьезную задачу общественного значения. Ребята очень любят немножечко завышенные задачи. Это нужно учитывать. Ставя перед ребенком задачу, надо ясно представлять себе перспективу, которая может возникнуть в данном коллективе, если он будет серьезно и глубоко работать по данной специальности.

В чем же перспектива? Только в общественной направленности. Когда ребята поняли, чего они могут достичь (причем достижения тут важны и его личные и общественные, т.е. важна целостная перспектива всего коллектива), тогда они очень заинтересуются этим делом, и их начнет эта перспектива увлекать.

Когда к нам приходят ребята, они приходят с одной целью: им хочется играть роль. Причем они думают, что роль можно получить быстро, сделать ее нетрудно. И конечно - они претендуют на главную роль. Они приходят к нам играть, а мы думаем о том, что мы будем с ними делать. И мы начинаем рассказывать о том значении, которое имеет искусство. Мы говорим о театре, о событиях в области искусства в стране, в мире; говорим о больших вопросах стилистического порядка. Все это детям доступно, если говорить с ними соответствующим языком. Мы поднимаем перед ними вопросы общественного значения искусства и тут же рассказываем перспективу нашего коллектива.

Есть еще один момент, о котором я хотел бы сказать. Это вопрос о том, что ребята, в общем, очень романтичны. Когда я рассказываю детям об идеях,

перспективах коллектива, очень хорошо действует опозитивирование нашей работы. Любая работа поэтична. Нужно только на нее посмотреть поэтическим взглядом. Для ребенка все поэтично. Ему нужно обязательно давать задачи так, чтобы они были украшены ореолом романтики, чтобы это немножко отрывало его от земли. Это придает ему крылья. Его профессия делается для него прекрасной, такой профессией, которая ему необычайно нравится, смотря на которую, он внутренне улыбается, он счастлив.

От этого становится необычайно тепло в коллективе. Показать, что она имеет крылья. Это очень важно. Мы – педагоги, работающие с детьми, должны быть романтиками.

Тогда ребята верят, тогда они любят, и их можно повести куда угодно. Только имейте перспективу. Они идут, верят и достигают нужных результатов, возможных для их возраста.

Еще очень трудный для меня вопрос. Мы получаем много писем, приезжают люди из разных городов и спрашивают, как сделать театр, просят написать, что это такое. Написать, что это такое очень трудно. Они просят, если так трудно, то дать какие-нибудь материалы: сколько цехов, сколько человек в группе, сколько часов уходит на подготовку спектакля. Мы все это даем. И сегодня по Советскому Союзу есть 16-18 ТЮТов. Мы с ними переписываемся. Но получается очень нехорошая вещь: они заимствуют форму. Они увлекаются такими названиями, как директор театра, бухгалтер, заведующий хозяйством...

Начинать же нужно не с этого, а с того, что является сущностью. Когда есть смысл, когда есть чувство, есть внутреннее содержание, тогда получается дело.

Как-то нас вызвал директор и сказал, что в 217 школе есть четыре мальчишки - хулигана. С ними нужно что-то делать. Они столько там натворили бед, что их стали обсуждать на педсовете. Пришел инспектор ГОРОНО. Решается их судьба, куда их отправить – не в колонию ли для несовершеннолетних... Родители плачут. А мальчишки в это время сидят в коридоре и ждут. Сидели, сидели и вдруг остановили свой взгляд на пожарном рукаве. Подошли, отвернули шланг и пустили струю прямо на педсовет!

Мы пошли туда, в эту школу, чтобы поговорить с ребятами. Сидим, ждем. Мальчишкам сказали: “Там к вам пришли, побеседовать с вами хотят”. Так один из них по дороге в кабинет директора, где мы сидели, отрезал бра от стены, и пришел к нам вместе с этим бра. По дороге его поймал завхоз и привел. У них идет такой разговор:

- Зачем ты это сделал? (Молчит).

- Ну, зачем ты это сделал? (Молчит).

Конечно, он не может ответить. Откуда он знает. Уж меньше всего он знает.

Второй – перед тем, как придти к нам для разговора, зашел в туалет, вывернул электрическую лампочку и оторвал цепочку. Стоит у двери и ждет. Такие вот детишки!

Когда они пришли к нам, мы им сразу дали работу. Привели в цех, они смотрят на наших ребят, смотрят на все и никакого интереса не проявляют. Вечером у нас был

большой “капустник”. Полный зал. Они тоже пришли на этот “капустник”. Им, вроде бы, понравилось, но виду не подают, “марку держат”...

Через несколько дней они пришли на занятия. Первый вопрос, который они задали, был: запирают ли двери классов? Мы им ответили: “Нет, у нас все открыто”... Вскоре мы поехали в Калининский дом пионеров давать спектакль, и забыли какие-то детали. Мы одному из этих хулиганов дали ключ от мастерской, чтобы он привез эти детали. Мы очень волновались, что будет. Ничего не было. Поехал и привез. Одно только сделал: зайцем проехал на трамвае.

Я всегда узнаю “почерк” ребят: мои или нет. Говорят, что нельзя ручаться за детей. Можно ручаться, если вы знаете, куда направлен их ум. Если он нарисовал чертеж декорации на стенке, это может быть и наш. Но если он намалевал чертика – не наш.

Недавно я был приглашен в один дворец культуры, где стоял вопрос о нарушении дисциплины в драматическом кружке. Там “давали жизни” педагогу за то, что он окончил генеральную репетицию позже, чем нужно. Все его ругали, и никто не сказал, что спектакль очень талантливый и получил диплом первой степени на Всесоюзном конкурсе. Как же они не заметили главного?! Тут же одна женщина выступила и сказала, что она была в другом дворце культуры, и там все встали, когда она вошла, а потом все шли парами. А меня тошнило только от этого!

Гардеробщица говорит: шумно одеваются. Шумно, потому что они идут, наполненные содержанием работы! Они продолжают спорить! Наполненность содержанием работы – это главное. Пусть громко смеются!

5.02.1965 г.

Из стенограммы выступления на педагогическом совете

Дворца пионеров